

Я НЕ ИСКАЛ ИНОГО РАЯ ПОМИМО АДА МОЕГО

ВОСПОМИНАНИЯ О ЮРИИ ДОМБРОВСКОМ

АННА ГЕРАСИМОВА
Родилась в Москве в литературной семье. Автор рассказов и статей.

Я познакомилась с Юрием Осиповичем Домбровским в 67-м в Голицыне, в доме творчества писателей, где навещала маму.

Небрежно одетый, тренировочные штаны, поношенная рубашка. Но это абсолютно не бросалось в глаза, настолько уникальным, ни на кого не похожим был он. Пронзительная внешность — яркие светлые глаза, черные брови и ресницы, волна смоляного чуба.

Национальность и возраст определить было невозможно. Впавшие щени, из-за отсутствия зубов, не делали его старином. В то же время в его облике было врожденное благородство, даже аристократизм, и что-то порывисто-юношеское. Во время еды за длинным, общим голицынским столом обычно велись беседы. Домбровский редко вступал в разговор, он оживлялся только чему-то яркому, нетривиальному, и тогда как-то вскидывался и слушал очень внимательно и любил удачную шутку. Иногда он начинал стремительно и нервно чесать себя, как при ловле блох — голову, грудь, спину, — и в этом было что-то лагерное.

Гордая посадка головы, нечто орлиное в облике. Его свобода завораживала, он вел себя так, как будто вокруг никого нет.

Он никогда не рассказывал о своих родителях, было ощущение, что рос сиротой.

С Нларой, которая была намного моложе его, они не выглядели неравной парой. Нлара, очень естественная, прямодушная, по-детски решительная и правдивая, обожала Юру, боролась с его алкоголизмом. Помню, у о. Дмитрия Дудно была какая-то семейная дата, отец Дмитрий стал читать молитву перед трапезой, и когда он произнес: «Господи, помилуй», Нлара, увидев на столе множество бутылок, воскликнула: «Действительно, Господи, помилуй». Иногда, во время его запоя, она ночевала у меня. Она негодовала и даже обличала мужа. «Живу с человеком

и даже не знаю его национальности, говорит, что цыган. Сидел меньше, чем рассказывает, говорил, что первая жена покончила с собой, а она жила в Казахстане. Говорит, что в лагере ни дня не работал, отказывался, но непонятно, как ему это удавалось».

Наутро она звонила ему, или он звонил первый, и она мчалась домой. В общем, друг без друга долго они не выдерживали. Юрий Осипович нежно называл ее: мой ребятенон.

Она рассказывала, что Домбровский страдал от эпилепсии, а потом болезнь, оставив его, таинственным образом передалась ей.

Случалось, за время ее отсутствия их успевали ограбить, уносили все, иногда вплоть до постельного белья. Но это уже было, когда они жили в отдельной квартире, а в коммуналке, в начале моего с ними знакомства, висело много картин и редких икон. Вообще, он был талантливый искусствовед с большой эрудицией и удивительным чутьем на живопись. Однажды он купил этюд в зеленоватых тонах и сразу сказал, что это Левитан, ему не верили, но, когда он расчистил и отмыл картину, открылась подпись Левитана. Тот этюд тоже украли... Позже, когда им дали отдельную квартиру, его коллекция еще какое-то время повисела, но позже украли почти все. Когда он уходил в запой, в квартире постоянно бывали посторонние, которых он поил, за ним шли из пивных...

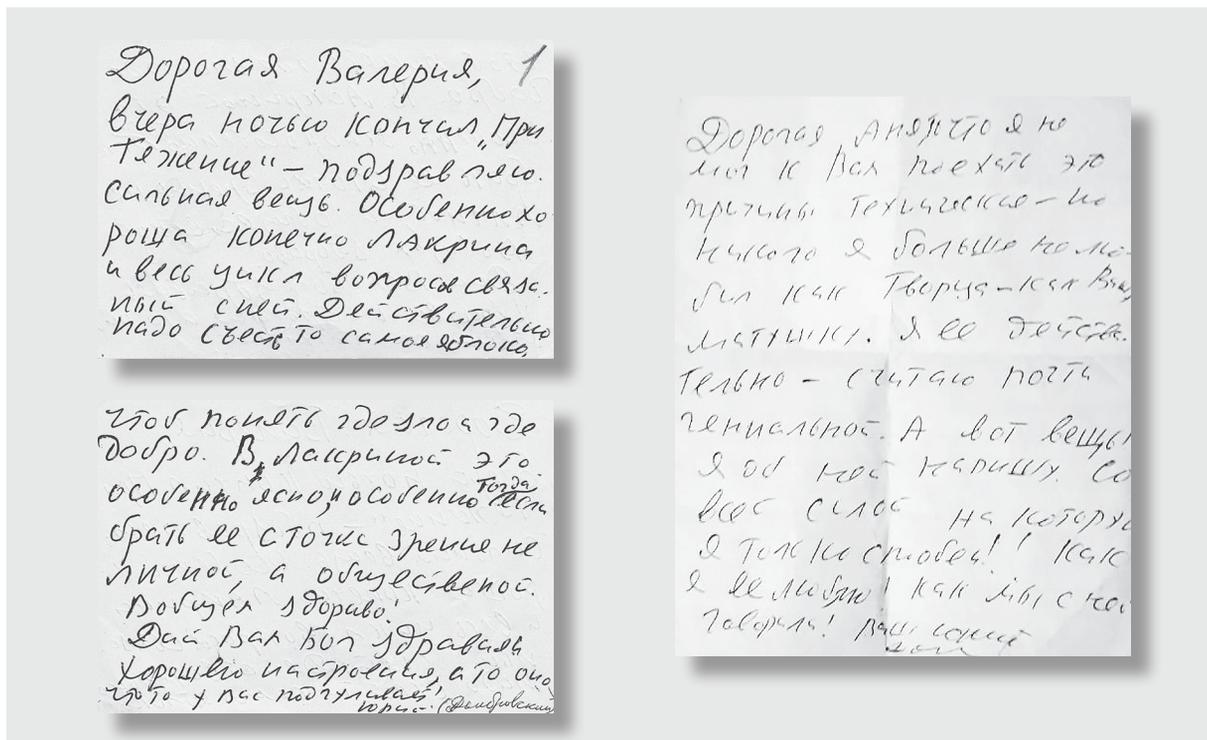
В коммуналке Юрия Осиповича опекала симпатичная старушка, которую он называл мамуля. Ее мужа — папуля. Она зорко следила, чтобы ничего не утащили, и прогоняла подозрительных забулдыг, улаживала отношения с соседями. Папуля был невысокий и полноватый, Домбровский считал его стуначом и всегда ему наливал, и когда папулю после инсульта разбил паралич, оплачивал ему массажиста и очень беспокоился о его здоровье. Говорил: «Это уже свой стукач, а новый неизвестно каким будет».

Домбровский был очень подозрительным. Однажды, побывав у нас в гостях, позвонил на следующий день и тревожно спросил про нашего приятеля: «А кто этот человек, почему он все время молчал?» Сказала, что он просто молчаливый.

В то же время он был абсолютно бесстрашным. Когда его однажды вызвали на Лубянку, он ответил, что привык ездить к ним только в черном вороне, а своими ногами никогда не придет. Его настольными книгами были Уголовный кодекс и Гражданский кодекс, и юридически он был очень грамотен, настоящий законник. После реабилитации он написал заявление, утверждая, что она оскорбительная, требуя раскрыть суть дела, всех доносчиков и свидетелей. Я с ним консультировалась, когда к нам в квартиру пришла милиция, он объяснил, как надо с ними правильно себя вести, и его инструкции помогли.

Мы все активно читали самиздат и зарубежные издания, обменивались ими. Домбровский учил, что согласно УН посадить могут только за распространение, а так про любую книгу можно сказать: «Нашла в почтовом ящике или на садовой скамейке», поскольку статьи за чтение нет и никто ничего не докажет.

С теми, кто ему не нравился, он никогда не выяснял отношений, просто переставал общаться. Так, военного писателя Ю. перестал замечать после того, как в галицынской электричке тот пригрозил приставшему к ним пьяному парню милицией. Домбровский считал это недостойным мужчины, для него это было *западло*.

Он очень любил животных. Большую камышовую кошку Насю они с Нларой возили с собой всюду, и в Доме творчества она жила с ними, ела на письменном столе из литфондовской тарелки.

Ключевой момент философии Домбровского — это его ответ на жалобы, как все у нас плохо. Он отвечал в том смысле, что после всего, что устроили, если бы стало хорошо, вот это-то и было бы самым ужасным. Он никогда не жаловался и считал, что статус жертвы унизителен для человека. Он четко знал: власть с самого 17-го года антихристианская и античеловечная. «Мне была дана жизнью неповторимая возможность — я стал одним из сейчас уже не больно частых свидетелей величайшей трагедии нашей христианской эры» (послесловие к «Факультету ненужных вещей»). О пережитом в лагере он говорил, что это была его лучшая творческая командировка. Но шрамы от украденных лет молодости и унижений оставались неизгладимы, и эту боль он, возможно, и заглушал алкоголем. Советскую власть Домбровский не принимал изначально, в отличие от многих окружавших его шестидесятников, для которых Сталин плохой, но зато Ленин хороший. «Хранитель древностей» — это тот, кто сохраняет душу, то есть ставшими ненужными вещи: добро, совесть, жалость, культуру, любовь, традиции, свободу.

Стихотворение «Меня убить хотели эти суки...» говорит о непереносимости для него фальши, суеты, пошлости. Он вернулся из другого страшного мира, но там суть человека была обнажена и не было такого лицемерия, самодовольства.

Домбровский откликался на любую несправедливость в отношении народа и любого человека, все время заступался за кого-нибудь, из-за чего часто попадал в неприятные истории. Всему происходящему давал беспощадную оценку, и удивительно, что в нем отсутствовала злоба. Он считал, что мир лежит во зле:

*Хожу, сижу, с судьбою споря,
Тяну наскучившую нить,
И кроме вечных категорий
(Добро и зло, земля и море)
Увы! Мне некого винить!*

Это переносится с воспоминаниями других сидевших людей. Анастасия Ивановна Цветаева рассказывала, что следователь сказал ей: «Я вас могу загнать туда, куда Манар телят не гонял», на что она ответила: «Вы можете послать меня только туда, куда меня Бог пошлет».

Тема Христа волновала Домбровского всю его жизнь. В стихотворении «Амнистия» он связывает освобождение с милостью Богородицы. Церновым человеком он не был, но и не принимал бездуховного гуманизма. «Н Сартру я отношусь без особой нежности, — говорил Юра. — Он утверждает, что человек есть свобода безо всякой связи с божеством. Это прекрасно вписывается в генеральную линию Кремля» (А. Малумян).

В день Пасхи мы с мужем и Юрий Осипович шли к станции, и он каждому встречному очень серьезно говорил: «Христос Воскрес!», с теми, кто отклонялся, даже христосовался...

В нем не было ни капли ханжества. Смеясь, он рассказывал, как в Алма-Ате выпивал с другом-епископом, и тот, говоря: «Сейчас будет послание к евреям», посылал помощника в лавочку за вином, где торговал еврей.

Домбровский был многогранный и артистичный. Когда он с кем-то спорил, напоминал оперного мельника из «Русалки». Когда задумывался, был похож на одинокое темное зимнее дерево. Бывал и очень веселым. «Привет от четы Домбровских. Подарила им пирожные, и Юрий танцевал, смеша Нлару». Это из голицынского письма мамы, ноябрь 1968-го. Он прекрасно читал стихи, свои и чужие, очень ценил забытого спившегося поэта Бориса Новынева. Вот его послание, направленное моей маме (которая, кстати, упоминается в его «Факультете ненужных вещей») незадолго до ее смерти. «Дорогая Валерия, вчера ночью кончил "Притяжение" (повесть В. Герасимовой, опубликованная в журнале «Огонек». — А. Г.) — поздравляю. Сильная вещь. Особенно хороша, конечно, Лакрина и весь цикл вопросов, связанный с ней. Действительно, надо съесть то самое яблоко, чтоб понять, где зло, где добро. В Лакриной это особенно ясно, и особенно тогда, если брать ее с точки зрения не личной, а общественной. В общем, здорово! Дай вам Бог здоровья, хорошего настроения, а то оно что-то у Вас поддуливает. Юрий».

У меня сохранилась и записка Домбровского, переданная в очередной год поминок по маме. Он рассказывал, что в молодости увидел ее на каком-то литературном собрании, где она читала рассказ: ему понравились ее рассказ и красота. Этим, видимо, и объясняется такая сверхкомплиментарность. «Дорогая Аня, то, что я не мог к вам поехать — это причины технические, но никого я больше не любил как творца — как Вашу мамушку. Я ее действительно — считаю почти гениальной. А вот вещь! Я о ней напишу. Со всей силой, на которую я только способен! Как я ее люблю! Как мы с ней говорили! Ваш Юрий».

Всю жизнь он писал и говорил о силе духа, о том, что никакая система не может поработить человека, если он сам этого не захочет.

*Что все пройдя, все принимая,
И отрешенный от всего,
Я не искал иного Рая
Помимо Ада моего!*